

Жорж Сименон

**Танцовщица “Веселой
Мельницы”**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
С37

С37 **Сименон Ж.**
Танцовщица “Веселой Мельницы” / Жорж Сименон – М.: Книга по Требова-
нию, 2012. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-2793-9

Они нервничали. В особенности младший — он обводил всех присутствую-
щих слишком внимательным взглядом.

— Сколько тут может быть человек?

Но Дельфос пожал плечами и нетерпеливо оборвал:

— Да замолчи ты!

Они могли видеть Адель; она сидела почти напротив них за столиком
незнакомца, который заказал шампанское. Это был человек лет сорока,
с черными волосами, матовой кожей; то ли румын, то ли турок. На нем была
розовая шелковая сорочка. Галстук заколот булавкой с большим бриллиан-
том...

ISBN 978-5-4241-2793-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Жорж Сименон
«Танцовщица “Веселой
Мельницы”»

Глава 1

Адель и ее приятели

— Кто это?

— Не знаю! Он здесь впервые, — сказала Адель, выпуская сигаретный дым. Она лениво вытянула ноги, взбила волосы на висках, посмотрелась в зеркала, которыми сплошь были увешаны стены зала, проверяя, в порядке ли ее макияж.

Она сидела на гранатовой бархатной банкетке, за столиком, где стояли три рюмки портвейна. Справа и слева от нее — двое молодых людей.

— Вы позволите, детки?

Она улыбнулась им милой, доверительной улыбкой и пошла через зал к вновь прибывшему.

Четверо дежурных музыкантов, игравших на своих инструментах, по знаку хозяина начали напевать в такт музыке. Танцевали только двое: одна из женщин, работавших в кабачке, и наемный танцор.

И как почти каждый вечер, здесь царило впечатление пустоты. Зал был слишком велик. Из-за зеркал, украшавших его, он казался еще длиннее, и в перспективе стены оживлялись только красными банкетками и бледным мрамором столиков.

Двое юношей в отсутствие Адели придвинулись поближе друг к другу.

— Она очаровательна! — вздохнул Жан Шабо, тот, что был помоложе, делая вид, что рассеянно разглядывает зал сквозь полуопущенные ресницы.

— А какой темперамент! — добавил его друг Дельфос, опираясь на бамбуковую палку с золотым набалдашником.

Шабо могло быть лет шестнадцать — семнадцать.

Дельфос, более худощавый, болезненный, с неправильными чертами лица, выглядел не старше восемнадцати. Но они с возмущением протестовали бы, если бы кто-нибудь усомнился в их пресыщенности всеми наслаждениями жизни.

— Эй! Виктор!.. — Шабо бесцеремонно окликнул проходившего официанта. — Ты знаешь типа, который сейчас пришел?

— Нет! Но он заказал шампанское... — И, подмигнув, Виктор добавил: — Адель им занимается!

Он отошел со своим подносом. Музыка на минуту смолкла, потом опять зазвучала в ритме бостона. У стола молчаливого клиента хозяин сам откупоривал бутылку шампанского, горлышко которой он обернул салфеткой.

— Думаешь, сегодня поздно закроют? — шепотом спросил Шабо.

— В два... в половине третьего... как всегда!..

— Возьмем еще чего-нибудь?

Они нервничали. В особенности младший — он обводил всех присутствующих слишком внимательным взглядом.

— Сколько тут может быть человек?

Но Дельфос пожал плечами и нетерпеливо оборвал:

— Да замолчи ты!

Они могли видеть Адель; она сидела почти напротив них за столиком незнакомца, который заказал шампанское. Это был человек лет сорока, с черными волосами, матовой кожей; то ли румын, то ли турок. На нем была розовая

шелковая сорочка. Галстук заколот булавкой с большим бриллиантом.

Он не обращал внимания на танцовщицу, которая говорила ему что-то, смеясь и наклоняясь к его плечу.

Когда она попросила у него сигарету, он протянул ей портсигар, все так же глядя прямо перед собой.

Дельфос и Шабо теперь молчали. Они делали вид, что презрительно смотрят на незнакомца. На самом же деле они созерцали его с восторгом! От них не ускользала ни одна деталь. Они изучали способ, каким был повязан галстук, фасон костюма и даже манеры человека, заказавшего шампанское.

На Шабо был костюм, купленный в магазине готового платья, башмаки, на которых уже дважды менялись подметки. Одежда его приятеля, хотя и сшитая из хорошего материала, сидела на нем плохо. Правда, у Дельфоса были узкие плечи, впалая грудь, неопределенный силуэт слишком быстро вытянувшегося подростка.

— Вот еще один!

Бархатная портьера, закрывавшая входную дверь, приподнялась. Какой-то человек протянул швейцару свою мягкую шляпу и на мгновение остановился, обводя глазами зал. Большой, тяжелый, тучный, с безмятежным выражением лица, он даже не слушал официанта, который хотел предложить ему столик, а сел куда попало.

— Пива!

— У нас только английское... Стоут, пэйль, эль, скотч-эль?..

Клиент пожал плечами, показывая, что это ему совершенно безразлично.

В зале не стало оживленнее с тех пор, как он вошел.

Было так, как бывало каждый вечер. На площадке танцевала одна пара. Джаз звучал просто как звуковой фон.

В баре какой-то щегольски одетый клиент играл с хозяином в покер.

Собеседник Адели по-прежнему почти не обращал на нее внимания.

Царила атмосфера ночного кабаре провинциального городка. Внезапно из-за портьеры появились три растрепанных типа. Хозяин бросился им навстречу. Музыканты заиграли вовсю. Но эти люди так и не зашли в кабачок; теперь с улицы доносились только удаляющиеся взрывы их смеха.

По мере того, как шло время, Шабо и Дельфос все мрачнели. Казалось, усталость заострила их черты, придавала коже неприятный свинцовый оттенок, подчеркнула темные круги под глазами.

— Как ты думаешь, пора? — спросил Шабо так тихо, что его приятель скорее угадал, чем услышал эти слова.

Ответа не последовало. Дельфос барабанил пальцами по мрамору столика.

Опираясь на плечо незнакомца, Адель бросала иногда такой же ласковый и игривый взгляд на обоих юношей, каким она смотрела на нового клиента.

— Виктор!

— Вы уже уходите?.. С кем-нибудь договорились встретиться?..

Чем ласковее становилась Адель, тем таинственнее, возбужденнее казался ее собеседник.

— Завтра рассчитаемся, Виктор! У нас нет мелочи...

— Хорошо, месье!.. Добрый вечер, месье!.. Уже уходите?..

Оба приятеля не были пьяны. А все-таки они двигались к выходу словно в

чаду, ничего не видя.

В кабачке «Веселая мельница» два входа. Главный — с улицы По д'Ор. Через эту дверь входят и выходят клиенты. Но после двух часов ночи, когда по полицейским правилам кабачок должен быть закрыт, открывается маленькая служебная дверь, выходящая на плохо освещенный и пустынный переулок.

Шабо и Дельфос пересекли зал, прошли мимо столика незнакомца, обменялись пожеланиями доброго вечера с хозяином, толкнули дверь туалета. Там они остановились на несколько секунд, не глядя друг на друга.

— Я боюсь... — пробормотал Шабо.

Он видел свое отражение в овальном зеркале. До них доносились, словно преследуя, приглушенные звуки джаза.

— Быстрее! — сказал Дельфос, открывая дверь, за которой начиналась темная лестница и царила прохладная сырость.

Здесь был подвал. Туда вели кирпичные ступени. Снизу шел резкий запах пива и вина.

— Вдруг кто-нибудь придет!

Шабо чуть не споткнулся, так как дверь за ними закрылась, и свет сразу исчез. Его руки ощупывали стены, покрытые осевшей на них селитрой. Кто-то задел его на ходу, и он вздрогнул, но это был всего лишь его приятель.

— Не шевелись! — приказал тот.

Музыки, в сущности, слышно не было. Она только угадывалась. Чувствовалась, главным образом, вибрация, когда ударяли в большой барабан. Это был ритм, рассеянный в воздухе, рисующий в сознании зал с гранатовыми банкетками, звоном бокалов, женщиной в розовом, танцующей со своим партнером в смокинге.

Было холодно. Шабо ощущал, как его пронизывает сырость, и едва удержался, чтобы не чихнуть. Он провел рукой по своему холодному, как лед, затылку. Он слышал дыхание Дельфоса. Каждый выдох доносил до него запах табака.

Кто-то вошел в туалет. Из крана полилась вода. На блюде упала монета.

В кармане Дельфоса раздавалось тиканье часов.

— Ты думаешь, можно открывать?..

Дельфос ущипнул его за руку, чтобы он замолчал. Его пальцы были совсем холодные.

Там, наверху, хозяин уже с нетерпением посматривал на часы. Когда в кабачке было много народа и царило оживление, он охотно закрывал позднее и не боялся навлечь на себя гнев полиции. Но когда зал пустовал, он вдруг начинал ревностно соблюдать правила.

— Господа, сейчас закрываем!.. Уже два часа!

Молодые люди не слышали в подвале его слов. Но они могли угадать минута за минутой все, что происходило. Виктор получал деньги, потом шел в бар рассчитывать с хозяином, в то время как музыканты убирали инструменты в чехлы, а большой барабан покрывали зеленым люстрином.

Второй официант, Жозеф, складывал стулья на столы и собирал пепельницы.

— Закрываем, господа!.. Ну что же ты, Адель!.. Поторопимся!..

Хозяин был коренастым итальянцем, который прежде служил в барах и отелях Канн, Ниццы, Биаррица и Парижа.

Шаги в туалете. Это он пришел задвинуть засов маленькой двери, выходящей

в переулочек. Он поворачивает ключ, но оставляет его в замочной скважине.

Вдруг он машинально закроет подвал или заглянет туда? Он медлит. Наверное, поправляет пробор перед зеркалом. Кашляет. Дверь, ведущая в зал, скрипит.

Через пять минут все будет кончено. Итальянец, оставшись последним, опустит штору витрины и с улицы закроет входную дверь.

Он никогда не уносит с собой всю кассу. Он кладет в свой бумажник только тысячефранковые ассигнации.

Остальное лежит в выдвижном ящике бара, замок которого такой хрупкий, что его можно взломать хорошим перочинным ножом.

Все лампы потушены...

— Идем!.. — прошептал голос Дельфоса.

— Еще рано... Подожди...

Они теперь одни во всем здании и все-таки продолжают говорить тихо. Они не видят друг друга. Каждый чувствует, что он смертельно бледен, лицо напряжено, губы сухи.

— А вдруг кто-нибудь остался?

— Разве я боялся, когда надо было открыть сейф моего отца?

Дельфос говорит сварливо, почти угрожающе.

— Может быть, в ящике ничего и нет.

Как кружится голова! Шабо чувствует себя так, как будто он слишком много выпил. Теперь, когда он уже проник в этот подвал, у него не хватает духу из него выйти. Он чувствует, что сейчас повалится на ступеньки и зарыдает.

— Пошли!..

— Подожди! Он может вернуться...

Проходит пять минут. Потом еще пять, потому что Шабо любым способом старается выиграть время. Шнурок его башмака развязался. Он завязывает его вслепую, потому что боится упасть и наделать шума.

— Я не думал, что ты такой трус... Да ну же! Проходи...

Дельфос не хочет выходить первым. Дрожащими руками он толкает своего приятеля вперед. Дверь подвала открыта. В туалете из крана течет вода. Пахнет мылом и дезинфекцией.

Шабо знает, что другая дверь, та, что ведет в зал, сейчас заскрипит. Он ждет этого скрипа. И все-таки обливается холодным потом.

В темноте зал кажется просторным, как собор. Из радиаторов еще сочится тепло.

— Посвети!.. — шепчет Шабо.

Дельфос чиркает спичкой. Они на секунду останавливаются, чтобы перевести дух и глазами измерить путь, который им придется пройти. И вдруг спичка падает, а Дельфос издает пронзительный крик и бросается к двери туалета. В темноте он ее не находит, возвращается на прежнее место, сталкивается с Шабо.

— Скорее!.. Бежим!..

Это даже не слова, а хриплые звуки.

Шабо тоже что-то заметил. Но различил плохо. Как будто чье-то тело, распростертое на полу, возле бара...

Очень черные волосы...

Они боятся пошевелиться. Коробок спичек лежит на полу, но они его не видят.

— Где твои спички?..

— Не знаю, куда они подевались...

Один из них наталкивается на стул. Другой спрашивает:

— Это ты?..

— Сюда!.. Я держу дверь.

Из крана по-прежнему течет вода. Это немного успокаивает. Первый шаг к освобождению.

— Что, если зажечь свет?

— Ты с ума сошел?..

Их руки ощупывают дверь, ищут засов.

— Он не поддается.

Шаги на улице. Приятели застыли на месте. Ждут.

Слышны обрывки фраз:

«Я-то считаю, что если Англия не...»

Голоса удаляются. Может быть, это полицейские рассуждают о политике.

— Открываешь?

Но Дельфос не может шевельнуться. Он прислонился к двери, задыхаясь и прижимая к груди обе руки.

— ...Рот у него открыт... — заикаясь, бормочет он.

Ключ поворачивается. Приток свежего воздуха. Блики от фонаря на булыжниках переулка. Хочется бежать отсюда. Они даже забыли запереть за собой дверь.

Но там, за поворотом, улица Пон д'Авруа, где еще встречаются прохожие. Приятели не смотрят друг на друга. Шабо ощущает пустоту в теле, ему кажется, что он беззвучно движется в какой-то вате. Даже уличный шум доходит до него откуда-то издалека.

— Ты думаешь, он мертв?.. Это турок?..

— Он!.. Я узнал его... Рот у него открыт... И один глаз...

— Что?

— Один глаз открыт, другой закрыт.

И в бешенстве добавляет:

— Пить хочется!

Они на улице Пон д'Авруа. Все кафе закрыты. Открыта лишь одна закусочная, где продают только пиво, ракушки, селедку в уксусе и жареную картошку.

— Зайдем?

Повар, весь в белом, подкладывает в плиту дрова.

Женщина, которая ест, сидя в углу, приглашающе улыбается им.

— Пива!.. И жареной картошки!.. И ракушек!..

Съев по первой порции, они повторяют заказ. Они голодны, никогда еще не были они так голодны. И пьют уже по четвертой кружке пива! Эти двое все еще не смотрят друг на друга. Едят с жадностью. На улице темнота. Редкие прохожие шагают быстро.

— Сколько мы должны, гарсон?

Они снова в ужасе. Хватит ли у них обоих денег, чтобы заплатить за ужин?

— Семь и два пятьдесят, и три, и шестьдесят и... восемнадцать семьдесят пять!..

Остается один франк, как раз на чаевые!

Улицы. Закрытые ставни магазинов. Газовые рожки.

Издали слышны шаги совершающих обход полицейских.

Двое юношей пересекают Мёзу.

Дельфос молчит, устремив перед собой неподвижный взгляд; сознание его так далеко от действительности, что он не замечает обращенных к нему слов приятеля.

И Шабо, чтобы не оставаться одному, чтобы сохранить ободряющее присутствие товарища, провожает его до дверей комфортабельного дома, на самой красивой улице квартала.

— Проводи меня немного... — умоляет он.

— Нет... Я заболел...

Это точно. Они оба заболели. Шабо только на мгновение увидел мертвое тело, но его воображение работает вовсю.

— Это наверняка был турок?

Они называют его турком, потому что не знают, какой он национальности. Дельфос не отвечает. Он бесшумно вложил ключ в замочную скважину. В полумраке виднеются широкий коридор, бронзовая подставка для зонтиков.

— До завтра...

— В «Пеликане»?

Но дверь закрывается. Теперь у него начинается головокружение. Оказаться дома, в своей постели! Только тогда вся эта история закончится!

И вот Шабо один в пустынном квартале. Он идет быстро, почти бежит, на углах улиц в нерешительности останавливается, потом бросается вперед, как безумный. На площади Конгресса он избегает тени деревьев. Заметив вдали прохожего, замедляет шаг. Но незнакомец сворачивает в другом направлении.

Улица Луа. Двухэтажные дома. Порог.

Жан Шабо ищет ключ, открывает дверь, включает электрический свет и идет на кухню с застекленной дверью, где огонь в плите еще не совсем погас.

Ему приходится вернуться, потому что он забыл запереть входную дверь. Тепло. На белой клеенке стола стоит корзинка и лежит записка — несколько слов карандашом.

«В буфетной найдешь котлету и кусок сладкого пирога в шкафу. Доброй ночи. Отец».

Жан тупо смотрит на все это, открывает шкаф, замечает котлету, от одного вида которой его тошнит. На столике стоит горшочек с зеленым растением, похожим на звездчатку.

Значит, приходила тетя Мария! Когда она приходит, она всегда приносит с собой какое-нибудь растение. Ее дом на набережной Сен-Леонар полон ими. Она дает подробные советы, как за ними ухаживать.

Жан потушил свет. Сняв башмаки, он поднимается по лестнице. На втором этаже проходит мимо комнат жильцов.

На третьем этаже мансарды от крыши веет холодком.

В тот момент, когда он выходит на площадку, скрипит матрац. Кто-то не спит — отец или мать.

Издали доносится приглушенный голос:

— Это ты, Жан?..

Ничего не поделаешь! Надо пожелать доброй ночи родителям. Он входит к ним. Воздух в спальне спертый. Они легли уже несколько часов назад.

— Сейчас поздно?..

— Не очень...

— Ты бы...

Нет! У отца не хватает мужества бранить его. Или же он догадывается, что это ни к чему не приведет.

— Доброй ночи, сын...

Жан наклоняется, целует влажный лоб.

— Ты холодный как лед... Ты...

— На улице свежо...

Ты нашел котлету?.. А пирог принесла тетя Мария...

— Я поел с друзьями...

Его мать поворачивается во сне, и ее шиньон сваливается на подушку.

— Доброй ночи...

Он больше не может терпеть. У себя в комнате он даже не зажигает свет. Бросает пиджак куда попало, валится на кровать и зарывается головой в подушку.

Он не плачет. Он не в состоянии плакать. Старается перевести дыхание. Все его члены трепещут, тело вздрагивает, как будто у него начинается какая-то серьезная болезнь.

Только бы его матрас не скрипел. Только бы подавить рыдания — они уже подступают у него к горлу, и он догадывается: лежащий в соседней комнате отец не спит, напрягает слух.

В голове его возникает картина, звучит одно слово, оно разбухает, принимает чудовищные размеры, все это сейчас раздавит его: турок!..

Всю ночь кто-то сжимает, теснит, душит его со всех сторон, до тех пор пока в слуховом окне не забрезжил рассвет и пока отец Жанна, стоя у кровати, не прошепчет, боясь показаться слишком строгим:

— Ты не должен делать этого, сын!.. Ведь ты опять пил, не так ли?.. Ты даже спал не раздеваясь!..

С первого этажа поднимается запах кофе и яичницы с салом. По улице проезжают грузовики. Хлопают двери. Поет петух.

Глава 2

«Малая касса»

Жан Шабо, оттолкнув тарелку, положил локти на стол и не отрываясь смотрел на дворик, виднеющийся сквозь тюль занавесок. Белая краска стен ярко блестела на солнце.

Отец украдкой наблюдал за ним, не переставая есть, и пытался создать подобие беседы.

— Ты еще не знаешь, наверное, что большой дом на улице Феронстре будет пущен в продажу? Кто-то спрашивал меня об этом на работе. Может быть, тебе следовало бы узнать...

Но тут вмешалась мадам Шабо, которая чистила овощи для супа и тоже следила за сыном.

— Почему ты не ешь?

— Я не хочу есть, мать.

— Потому что этой ночью ты опять напился, пари держу! Признавайся!

— Нет.

— Ты думаешь, это не заметно! Глаза у тебя совсем красные! А цвет лица, словно оно из папье-маше! Напрасно мы лезем из кожи, чтобы подкрепить тебя! Ну, давай! Съешь хоть яйцо...

Однако это было не в его силах, даже если бы ему предложили целое состояние. От домашней обстановки, запаха сала и кофе, вида белой стены, закипавшего супа его просто тошнило. Жану не терпелось выйти из дому и все выяснить. Он вздрагивал от каждого звука, доносившегося с улицы.

— Мне надо идти.

— Еще рано. Ты был с Дельфосом вчера вечером, правда?.. Пусть только он придет сюда за тобой!.. Этот парень бездельничает, потому что у него богатые родители!.. Порочный мальчишка!.. Ему-то не приходится вставать рано и ходить в контору!

Месье Шабо молча ел, глядя в тарелку, потому что не хотел становиться ни на чью сторону. Со второго этажа спустился жилец, студент-поляк; он вышел на улицу и направился в университет. Слышно было, как в комнате над кухней одевался другой.

— Вот увидишь, Жан, это плохо кончится! Спроси у своего отца, занимался ли он кутежами в твоем возрасте?

У Жана Шабо глаза и в самом деле были красны, лицо осунулось. На лбу виднелся небольшой красный прыщ.

— Я ухожу, — повторил он, посмотрев на часы.

Как раз в это время кто-то тихонько постучал по почтовому ящику, вделанному во входную дверь. Это был способ вызывать близких людей; посторонние пользовались звонком. Жан поспешно пошел открывать; он увидел Дельфоса, который спросил:

— Ты идешь?

— Да... Сейчас возьму шляпу...

— Войдите, Дельфос! — крикнула из кухни мадам Шабо. — А я как раз говорила Жану, что с этим пора кончать! Он портит себе здоровье этими кутежами! Что до вас — это дело ваших родителей, но Жан...